

Е. Р. МАТЕВОСЯН

**«Жертвоприношение Авраама»
как философский символ российской истории
в «Жизни Клима Самгина» М. Горького***

«Жертвоприношение Авраама» — библейский сюжет, который Горький сделал одним из лейтмотивов романа «Жизнь Клима Самгина».

Лейтмотив — немецкое слово (*Leitmotiv*), означающее в переводе «ведущий мотив». Так в музыке называется яркая, хорошо запоминающаяся музыкальная тема — чаще мелодия, которая обрисовывает какой-то образ или драматическую ситуацию. Лейтмотивы неоднократно появляются на протяжении музыкального произведения, иногда в измененном, но всегда узнаваемом виде. Наибольшее применение лейтмотив нашел в музыке эпохи символизма. Например, в операх Вагнера. Таким образом, присутствие лейтмотива как художественного средства выразительности можно считать определенным признаком эстетики символизма.

Все, сказанное о лейтмотиве в музыке, можно отнести и к литературе. Однако может возникнуть мнение, что «жертвоприношение Авраама» скорее аллегория, чем лейтмотив. Полагаю, следует сразу исключить подобное толкование, прежде всего потому, что оно противоречит горьковской интерпретации упомянутой библейской легенды в художественном тексте — как в его образной, так и идейной структуре. Известно, что в христианском богословии и не только Библия часто была источником аллегорий. Понятно, что в художественной литературе аллегорией пользуются всякий раз, когда идейная сторона произведения становится важнее его образно-художественного воплощения. Так было в эпоху барокко, классицизма и, конечно, романтизма, когда аллегория сблизилась с категорией символа. Однако в XX веке некоторая однозначность аллегории, проявляющаяся

* Впервые: Максим Горький: Взгляд из XXI века: Сб. материалов МНК «Горьковские юбилейные чтения — 2008». М., 2010. С. 106–116.

в персонификации того или другого понятия, ее ориентированность на четко сформулированную мораль или идею, делает ограниченным применение аллегории в художественном тексте¹. В романе «Жизнь Клима Самгина», наоборот, библейская легенда о жертвоприношении Авраама, неоднократно появляясь в идейном сюжете, символизирует путь русской интеллигенции и русского народа в порубежной истории и философии. Причем, идейно-философское наполнение этого символического лейтмотива изменяется, но всегда является читателю в узнаваемом виде. Легенда о жертвоприношении Авраама проведена Горьким практически через весь роман: от первых страниц до третьего тома. Звучит она и в черновых фрагментах ненаписанного финала. Горький сделал сюжет о жертвоприношении Авраама философским символом истории, найдя в нем ключевую для себя тему — тему жертвы во имя веры.

Взяв жертву во имя Бога (жертвоприношение Авраама) за смысловую основу Горький переосмыслил ее как жертву во имя обожествленной, т.е. возведенной в культ идеи. Ведь Горький считал, что русский народ воспринял революцию религиозно, как верование.

В самом обращении Горького к Библии нет скрытой религиозности. Библия воспринималась Горьким как собрание многовековой мудрости человечества, как средоточие мифов о человеке, как историческое свидетельство его бытия, его жизненной философии и психологии. Таким образом, Библия для писателя — собрание мифов или сказок, источник мифологем.

Если Достоевский находил «откровения» в Евангелии, то Горькому была близка Библия, ее Ветхий завет. Одна из причин тому кроется в детстве писателя, другая — в его непрестанных философских исканиях. Для него — евангельское повествование о земной жизни Христа — это лишь описание одного из множества сюжетов, трактующих знаменитую библейскую легенду о жертвоприношении Авраама. Всего лишь одна из возможных трактовок символа жертвы. Недаром в романе на первых же страницах Иван Акимович Самгин объясняет сыну: «Христос тоже Исаак, бог отец отдал его в жертву народу. Понимаешь, тут та же сказка о жертвоприношении Авраамовом»² (XXI, с. 24–25).

Разумеется, возможность идейно-философского и исторического осмысления заявленной темы обширна и разнообразна, но следует,

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: «Интелвак», 2003. Ст. 27.

² Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1974–1975, — с указанием тома и страниц в скобках.

прежде всего, точно интерпретировать горьковский смысл, постараться услышать голос самого Горького. <...>

Известная библейская легенда о жертвоприношении Авраама возникает на первых страницах романа в хрестоматийном виде. Мальчик Клим изучает закон Божий под руководством бабушки, и эту легенду ему надо понять и запомнить к следующему уроку.

Напомним ее содержание. <...> Пророк Авраам, потомок Ноя, имел жену Сару. Сара была неплодна. Господь часто являлся Аврааму, руководил его жизнью и жизнью его семьи, подвергал его всевозможным испытаниям. Больше всего Авраам хотел иметь потомство, и Бог обещал ему это. И вот, когда Аврааму исполнилось 99 лет, Господь явился ему, благословил жену его Сару и обещал дать им сына, от которого произойдут «народы и цари народов». В назначенный срок Сара родила сына, его нарекли по завету Бога Исааком. Прошло более десяти лет, и Господь решил испытать любовь и веру Авраама. Он явился ему и сказал: возьми сына твоего любимого, единственного Исаака, пойди в землю Мориа и там принеси его в жертву на одной из гор, которую укажу, через «всесожжение». Авраам беспрекословно подчинился. Они пришли на место, которое указал Бог. Авраам устроил там жертвенник: разложил дрова, и, связав своего любимого сына Исаака, положил его поверх дров. Затем Авраам взял нож и поднял руку, но Ангел Господень обратился к нему с неба с такими словами: «Авраам! Не поднимай руки своей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего единственного для меня». Авраам поднял глаза и вдруг увидел в чаще кустов на горе овна, запутавшегося рогами в ветках. Он вывел его из чащи и принес в жертву вместо Исаака. И тогда Ангел Господень второй раз воззвал с небес к Аврааму: «Господь говорит, что поскольку ты готов был не пожалеть сына своего единственного, чтоб исполнить волю Мою, то я благославляю тебя и семя твое. И благославятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего»³.

Конечно, маленький Клим понял библейскую легенду буквально и на вопрос отца, «как же ты это понял», рассказал, что «бог велел Аврааму зарезать Исаака, а когда Авраам хотел резать, бог сказал: не надо, лучше зарежь барана» (XXI, с. 24).

Иван Акимович Самгин посмеялся, а потом, разъяснил сыну, что «эту историю надобно понимать *иносказательно*»:

«Бог — это народ. Авраам — вождь народа; сына своего он отдает в жертву не богу, а — народу. Видишь, как просто?

Да, это было очень просто, но не понравилось мальчику. Подумав, он спросил:

³ Быт 17–22; 22: 17–18.

— А ты говоришь, что народ — страдалец?

— Ну да! Потому он и требует жертв. Все страдальцы требуют жертв, все и всегда.

— Зачем?

— Дурачок! Чтоб не страдать. То есть — чтоб его, народ, научили жить не страдая. <...>.

Клим снова задумался, а потом осторожно спросил:

— Ты — вождь народа?

На этот раз задумался отец, прищулив глаз. Но думал он недолго.

— Видишь ли, мы все — Исааки. Да. Например: дядя Яков, который сослан. Мария Романовна и вообще — наши знакомые. Ну, не совсем все, но большинство интеллигентов обязано приносить силы свои в жертву народу...

Отец говорил долго, но сын уже не слушал его, и с этого вечера народ встал перед ним в новом освещении, не менее туманном, чем раньше, но еще более страшноватом» (XXI, с. 24–25).

Здесь впервые Горький дает трактовку библейской легенды, превращая, таким образом, легенду в идейный лейтмотив романа. В своей первой трактовке лейтмотив иллюстрирует мировоззрение народников: народ — Бог, интеллигенция — Исааки, жертвующие силы свои народу-страдальцу, чтоб поддержать его и научить жить, не страдая.

Клим Самгин с детства невзлюбил народников. В нем родилось и крепло стойкое нежелание превращаться в жертву: «Он не умел думать о России, народе, человечестве, интеллигенции, все это было далеко от него» (XXI, с. 144). Чем больше он наблюдал за ленивой жизнью городка, где никуда не спеша смиренно жили дворяне, купцы, мещане, ремесленники, «пасомые духовенством и чиновничеством» (XXI, с. 144), тем больше он сомневался в праве и попытках любителей споров и разногласий «решать задачи жизни и навязывать эти решения ему» (XXI, с. 144). Клим считал, что для этого должны существовать другие, более солидные люди — менее азартные, более спокойные и уж во всяком случае — «не полубезумные, каким был измученный на каторге народник, его дядя Яков. О нем юный Клим сказал как-то Лидии Варавке: «Дядя Яков — жертва истории. <...>. Он — не Иаков, а — Исаак» (XXI, с. 143). Присутствующие, включая Лидию, его не поняли. И не удивительно. Самгин впервые называет народников «жертвами истории», в отличие от своего отца и их самих, считавших себя жертвами во имя народа. Таким образом молодое поколение, в лице Самгина, подписывает исторический приговор народничеству. Изжившая себя идеология постепенно сходит с общественно-исторической сцены, но это пока еще никто не понимает. Так лейтмотив романа получает дополнительный смысл, обогащается новым значением.

Брезгливое отношение Самгина к жертвенной миссии интеллигенции, к которой он по рождению и воспитанию принадлежал, мучило его и заставляло повсюду искать обоснование подобному взгляду, уже готовому стать убеждением и вскоре превратиться в основу мировоззрения взрослого человека. Большую поддержку нашел Клим в учителе Томилине, местном философе. Тот «осудил себя думать обо всем и ничего не мог или не хотел делать» (XXI, с. 144). Кроме того, он не пытался «взнуздать слушателя» своими мыслями, а только рассказывал о том, что думает и «мало интересовался, слушают ли его». (XXI, с. 144). Самгин всегда шел к нему побеседовать о народе, шел с тайной надеждой оправдать свою антипатию. «“Народ” — думал он, внутренне усмехаясь, слушая, как память подсказывает ему жаркие речи о любви к народу, о необходимости работать для просвещения его» (XXI, с. 167). Однако Томилин сказал, как отрезал: «Искренний интерес к народу могут испытывать промышленники, честолюбцы и социалисты. Народ — тема, не интересующая меня» (XXI, с. 167).

Чтоб разобраться во всем Томилин читал книги на немецком, французском и английском языках. Самгину-гимназисту он пояснил: «По-русски читать нечего. По-русски интересно чувствуют, но думают неудачно, зависимо, не оригинально. Русское мышление глубоко чувственно и потому грубо. Мысль только тогда плодотворна, когда ее двигает сомнение. Русскому разуму чужд скептицизм, так же как разуму индуса и китайца. У нас все стремятся веровать. Все равно во что, хотя бы в спасительность неверия. Во Христа. В химию. В народ. А стремление к вере — есть стремление к покою. У нас нет людей, осудивших себя на тревогу независимой работы мышления» (XXI, с. 167).

Эту мысль Клим Самгин живо воспримет и, более того, ее подтверждение будет часто встречать в жизни, бесстрастным наблюдателем которой он со временем станет. «У нас все стремятся веровать». Интеллигент верует в народ, а народ верует во что-либо, все равно во что. Ему просто надо верить.

Поступив на юридический факультет Петербургского университета, Самгин столкнулся с той же идеологической проблемой. Появились марксисты. Они боролись с народниками за влияние на общество. Клим надоели их бесконечные споры. Его раздражало, что он не мог понять, кто из них ошибается наиболее грубо. Он не улавливал, для которой группы наиболее обязателен закон постепенного и мирного развития жизни: «Иногда ему казалось, что марксисты более глубоко, чем народники понимают несокрушимость закона эволюции, но все-таки и на тех и на других он смотрел как на представителей

уже почти ненавистной ему “кутузовщины”» (XXI, с. 260). А «кутузовщина» — это подстрекательство, это «глупость юности», которая внушает некоторым людям дерзкое желание «подтолкнуть, подхлестнуть веками узаконенное равномерное движение жизни» (XXI, с. 260). «Кутузовщина» — это, когда народ — жертва честолюбия, а вождь народа — Бог, который уверен в своем честолюбивом замысле: разрушить революцией закон эволюции и создать новый мир. Хочется напомнить, что Степан Кутузов, оппонент Самгина, традиционно считается представителем социал-демократии в романе. Здесь опять слегка меняется лейтмотив романа.

Самгина «особенно занимают споры на тему: вождь владеет волей масс или масса, создав вождя, делает его орудием своим, своей жертвой? Мысль, что он, Самгин, может быть орудием чужой воли, пугала и возмущала его. Вспоминалось толкование отцом библейской легенды о жертвоприношении Авраама и раздраженные слова Нехаевой:

«— Народ — враг человека! Об этом говорят все биографии почти всех великих людей.

Клим находил, что это верно: какая-то чудовищная пасть поглощает, одного за другим, лучших людей земли, извергая из желудка своего врагов культуры, таких, как Болотников, Разин, Пугачев» (XXI, с. 260).

Здесь лейтмотив о жертвоприношении Авраама уже формулируется по-новому: народ — Бог, который делает своих вождей жертвами.

Горький продолжает свое исследование и с этой целью обращается к исторической фигуре царя Николая II, чей статус — безусловен: он волею Божьей вождь своего народа. Горький демонстрирует, как народ своими ожиданиями и верой в чудо явления в мир необыкновенного, доброго и справедливого правителя возводит царя Николая в ранг народного Бога. И опять вся лавина чувств и социальных разочарований транслируется нам через Клима Самгина:

«Он (Самгин. — Е. М.) стыдился сознаться себе, что хочет видеть царя, но это желание возрастало как бы против воли его, разжигаемое работой тысяч людей и хвастливой тратой миллионов денег. Этот труд и эта щедрость внушали мысль, что должен явиться человек необыкновенный, не только потому, что он — царь, а по предчувствию Москвой каких-то особенных сил и качеств в нем. <...> Самгину было ясно, что москвичи верят в возможность каких-то великих событий, и ясно было, что это — вера многих тысяч людей. Он тоже чувствовал себя способным поверить: завтра явиться необыкновенный и, может быть, грозный человек, которого Россия ожидает целое столетие и который, быть может, окажется в силе сказать духовно растрепанным распущенным людям: “Да что вы озорничаете?!”» (XXI, с. 460). Пришествие Бога-царя, вождя нации состоялось. Случилась Ходынка,

и, глядя на фигуру голого Диомидова, придушенного и затоптанного толпой, Клим Самгин не совсем уместно вспомнил: «Исаак», но тотчас же поправился: «Идоложертвенное мясо». На Ходынке трагически осуществилось массовое жертвоприношение в честь вождя-царя. Слепое верование народа было жестоко подавленно злым роком истории. Причем народ здесь — не любимый сын Исаак. Он лишь агнец, запутавшийся в кустах своих предубеждений и ложных ожиданий и, таким образом, случайно принесенный в жертву. Нечаянные жертвы Ходынки не устаиваются быть жертвами во имя идеи, то есть Исааками.

Но вот проходит некоторое время, и мы видим вождя — царя Николая II на Нижегородской выставке. Здесь из толпы присутствующих на царя смотрят Иноков (alter ego Горького) и Самгин:

«— Знаете, на кого царь похож? — спросил Иноков.

Клим безмолвно взглянул в лицо его, ожидая грубости. Но Иноков сказал задумчиво:

— На Бальзамина, одетого офицером.

— Исаак, — пробормотал Самгин.

— Что?

— Исаак, — повторил Клим громче и с досадой, которую не мог сдерживать.

— Ага, да, это — из Библии, — вспомнил Иноков. — Ну, а кто же тогда Авраам?

— Не знаю.

— Странное сравнение, — усмехнулся Иноков» (XXI, с. 555).

Вождь-царь стал жертвой истории.

Складывается некое историческое уравнение: сначала народ — Бог, его обожествляет интеллигенция; затем приходят честолюбивые вожди и становятся Богами, а народ — жертвой. Но из правила существует исключение: если вождь не смог стать Богом, он становится жертвой и делает «идоложертвенным мясом» народ. Стало быть, чрезвычайно высока цена взятой на себя ответственности и совершенной ошибки. Историческая цена.

Горький устами героев именует «фабрикантами жертв» революционеров всех мастей (XXII, с. 404). Характерна в этом смысле сцена похорон Николая Баумана: «...издали, из глубины его (“чудовища толпы”. — *Е. М.*) существа, слабо доносится знакомый торжественно-угрюмый мотив похоронного марша:

— “Вы жертвою пали”.

<...> Жертвы, да! — раздраженно думал он, сняв шляпу. — Исааки, — думал он, вспоминая наивное поучение отца. — Последняя жертва!» (XXII, с. 660).

Бауман был последней жертвой, принесенной революционерами идее грядущей революции. Апофеозом этого исторического уравнивания становятся события революции 1905 года. Самгин, принимающий участие в Московском восстании случайно, но добровольно, так рассуждает о текущих событиях:

«Ну да, — конечно, рабочий класс — Исаак, которого приносят в жертву. Вот почему я не могу решительно встать с теми, кто приносит жертву» (XXIII, с. 59). Мысль, кстати, в достаточной степени «автобиографическая».

Интересно, что в последней части романа, где описываются исторические события, приближающие Октябрьскую революцию 1917 года, философский символ истории — библейская легенда о жертвоприношении Авраама перестает появляться в сюжете романа. Вспомним: «Кто же тогда Авраам?» — «Не знаю» (XXI, с. 555).

И, наконец, в черновых вариантах незавершенного финала романа «Жизнь Клима Самгина» «жертва во имя веры» осознается уже как трагедия национального сознания. Именно финал дает ответ на вопрос, кто же Авраам? Гибель главного героя — Самгина, происходящая во время встречи Ленина на Финляндском вокзале, — закономерна, потому что народ (в ситуации финала романа — толпа) стал «жертвой слепой веры в идею». Как Авраам, народ готов убивать. Он крушит все на своем пути во имя преданности Богу и Вождю. Сам факт сознательного убийства в момент встречи главного вождя революции («размахнулся и ударил ногой в живот», «Уйди с дороги, таракан»); счастливая улыбка «широколицей женщины», спешащей на встречу, которая смотрела в «кругло открытый ошетилившийся рот» мужика без шапки, шагавшего с ней и грозно певшего: «Отречемся...»; реплики, полные нетерпеливой восторженности («Пропустите! Дайте взглянуть», «Ну — пускай ему (Ленину. — Е. М.) бог поможет, а он — помог бы нам») и веры, как, например, реплика из чернового наброска к финалу, принадлежащая Дмитрию Самгину, брату Клима, последователю Степана Кутузова:

«— Легендами живет мир.

Умрем — легенда будет. Учиться будут у нас» (XXIV, с. 583–584), — наглядно иллюстрирует экстаз жертв «слепой веры в идею».

Толпой новое учение «освоено религиозно, как верование» — такова точка зрения Горького, отраженная в бесчисленных полилогах романа. Народ произносит в финале: «Ильич! — Просто — Ильича?» (XXIV, с. 586) — словно имя нового Бога, т.е. так, как мы говорим «Иисус», просто Иисус, а не Иисус Христос.

Интересно, что очередной виток истории России в романе начинается с призыва творить легенду, ведь ими «живет мир». Таким образом вся-

кая легенда со временем может рассчитывать на ореол «библейской». Это ли не апофеоз веры.

Однако жертвоприношения Авраама как лейтмотив романа допускает не только историко-философское толкование (прочтение). Он визирует собой главную тему рубежа веков — конфликт индивидуального и общественного.

Самгин, точно знающий, что никакие общественные катаклизмы не идут в сравнение с драмой, терзающей его индивидуальное бытие, с бездной его души, с противоречиями его «я», тяжело переживал тупик, в который загоняла его реальная действительность. В личной жизни Клим предчувствовал трагедию насилия над собой жизненных обстоятельств и традиций общества, заранее ощущая себя жертвой. Так, сидя в ресторане родного провинциального городка и наблюдая «отцов города», евших раков, пьющих вкусное пиво, шумно, но степенно разговаривающих и солидно хохочущих на «о», Самгин обреченно думал:

«Кончу университет и должен буду служить интересам этих быков.

Женюсь на дочери одного из них, нарожу гимназистов <...>. Потом — растолстею и, может быть, тоже буду высмеивать любознательных людей. Старость. Болезни. И — умру, чувствуя себя Исааком, принесенным в жертву — какому богу?» (XXII, с. 66).

В общественной жизни Самгин также постоянно ощущал насилие над собой. Посещая популярные в начале века в Петербурге собрания, лекции и заседания различных кружков, к чему его обязывало положение, деловые и связи и приятельские отношения, он слышал многие речи и проповеди, «доводы и выводы которых хотя и были убедительны, но — не нужны ему»:

«В черненькой паутине типографского шрифта он прозревал и чувствовал такое же посягательство на свободу его мысли и воли, какое слышал в речах верующих людей. <...> Железная метла логики Маркса тоже правдива, сокрушительно правдива, но ведь правдиво и Евангелие, которое Иноков озорниковато, а, в сущности, метко уравнивал с книгой “Хороший тон”. И вот: раньше хорошим тоном считалось народничество, а ныне претендует на эту роль марксизм». Сузив понятие народ, до понятия «рабочий класс», марксизм тоже требует «раствориться в массах», как этого требовали: толстовец, переодетый мужиком, писатель Катин, дядя Яков. Брат Клина — Дмитрий уже «растворился». «В сущности, все это сводится к необъяснимому желанию сделать человека Исааком, жертвой, наконец — лошадью, которая должна тащить куда-то тяжкий воз истории» (XXII, с. 107).

Однажды Самгин был приглашен сокурсником Прейсом на домашнюю лекцию в его дом. Самгин согласился. Прейс давно интересовал его.

Кроме того, Климу «хотелось понять: что побуждает сына фабриканта шляп заниматься проповедью марксизма?» (XXII, с. 105). Прейс говорил о нищезанятости как реакции против марксизма — утверждал, что в Германии «мы видим быстро создаваемые условия для перехода к социалистическому строю, без катастроф, эволюционно». Слушая все более оживленную и уже горячую речь Прейса, Клим не возражал ему, понимая, что его, Самгина, органическое сопротивление идеям социализма требует каких-то очень сильных и веских мыслей, а он все еще не находил их в себе, он только чувствовал, что жить было бы значительно легче, удобнее, если бы социалисты противники их не существовали. Он не находил в себе и силы решительно заявить: «Не хочу играть роль Исаака, найдите барана!» (XXII, с. 107–108).

Таким образом, лейтмотив «жертвоприношения Авраама» рассматривается Горьким на двух смысловых уровнях: историко-философском и индивидуально-личном (в аспекте взаимоотношений личности и общества). Интересно, что художественное мышление лейтмотивами является принадлежностью эстетики символизма. Обращает на себя внимание и особенности поэтики «Жизни Клима Самгина»: в абсолютно реалистическом по жанру романе практически нет реалистических решений как художественных образов героев, так и в жизни разнообразных идей, что свидетельствует о влиянии западноевропейского романа 1910–1920-х годов на творческий метод Горького, на поиски им нового языка и стиля.

Гибкая интерпретация библейской легенды отражает философский взгляд Горького на русскую историю рубежа веков. Само существование лейтмотива указывает на сложную структуру романа и добавляет определенные аргументы в размышление о жанровой и стилиевой природе этого произведения. Сквозная композиция ведения лейтмотива в фабульном и идеологическом сюжете романа, органическое участие черновых вариантов финала в развитии и завершении функционирования лейтмотива указывает с большой вероятностью на завершенность романной формы «Жизни Клима Самгина».

